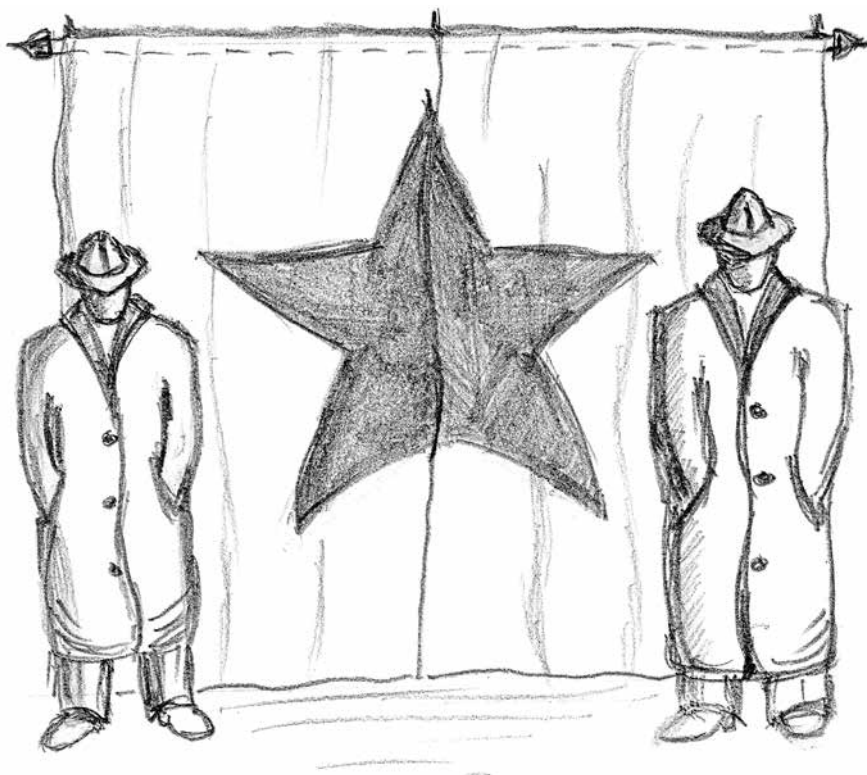

«ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ» И «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Я прослужил в Студенческом театре МГУ лет, наверное, 15. Точнее не вспомню. Моя настоящая, наполненная и осмысленная жизнь началась именно там. Лучшие друзья, влиятельнейшие наставники, пламенные любви, а также самые успешные песни — все это Студтеатр. 13 сентября 1983 года я пришел в него поступать (стихи-проза-басня, что-то спел под гитару), встретил Пельша — и понеслось.

В конце 1980 годов в Студтеатре МГУ собралась сильнейшая команда. Главный режиссер и мой наставник №1 Евгений Славутин. Выдающийся бардовский дуэт Гоши Васильева и Леши Иващенко, организовавший при театре Музыкальную студию — наставники № 2 и 3. И мы, артисты — Валера Головский, наш безусловный лидер и премьер, Ира Богушевская, моя будущая жена, Валдис, друг и соратник, Леша Нестеренко и Влад Чанкин, прекрасный эстрадный дуэт, Саша Кривенко, автор прелестных песен. И еще десяток-другой крепких, хоть не профессиональных актеров, а также музыканты «Несчастливого случая», а также двое молодых артистов, воспитанников Школы-студии МХАТ, наших «играющих тренеров» — Леша Багдасаров и Олег Буданков. Практически со всеми ними мы крепко дружим по сию пору.

История нам благоволила. Началась перестройка с попутной гласностью, «стало можно», и в репертуаре театра появились две хитовые пьесы — «Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили» Вити Коркия и «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» Венедикта Ерофеева. Коркия я могу смело именовать Витей — он был нам всем друг, торчал в театре чуть ли не каждый день и, вообще, свой парень. С Венедиктом Васильевичем все куда сложнее. Он тоже приходил к нам, присутствовал даже на чтениях молодых авторов... Это незабываемо.

Устроили специально для великого Венички чтения. Витя Коркия, Володя Друк, Андрей Туркин — молодые, но уже успешные и известные поэты, страшно благоговей, усадили мэтра в кресло, и давай по очереди читать. Ерофеев к этому времени был уже прооперирован по поводу рака гортани, шея его была прикрыта платком, а говорил он, поднося к горлу микрофон. Совершенно механический скрипучий голос раздавался из приборчика, висящего у классика на поясе. Венедикта Васильевича сопровождала его жена Галина, которая очень нервничала из-за этих чтений, и не напрасно.

В небольшой репетиционный класс набилось человек тридцать зрителей. Напротив входной двери в кресле сидит Ерофеев, остальные толпятся вдоль стен. В центр выходит первый поэт. Читает. Веничка улыбается, кивает роскошной копной седых волос, смотрит благосклонно. Жена Галина нервничает. Поэт заканчивает чтение, все затаили дыхание... Классик

подносит микрофон к горлу и мертвым голосом скрипит (не прекращая улыбаться!): «Это хуйня».

Выходит второй поэт. Все повторяется в точности: «Это хуйня». Жена Галина ломает руки и шипит: «Веня, как не стыдно тебе...». Веничка поворачивает голову к ней и вежливо говорит: «А ты помолчи, — и, поразмыслив, добавляет, — ёб твою мать».

Третий поэт уже не выходил. Мы стояли, пораженные величием русского гения.

Постановка его пьесы самому Ерофееву нравилась. Он об этом не раз говорил. Может быть, нравилась потому, что мы были первым театром, который играл «Вальпургиеву ночь» без единой купюры, со всеми роскошными и обильными авторскими матюгами. Тогда это было ну, прямо скажем, совсем в новинку, и зрители переставали дышать, услышав на двадцатой минуте спектакля: «Отстань, Родина, у тебя у самой нухуя нет». Впрочем, не матом единым хороша эта пьеса, и мы играли с упоением четыре с половиной часа (!!!) с двумя антрактами. Ужас! Я с коллегами даже не выходил на сцену (мы озвучивали действие музыкой), и то под конец уже засыпал от усталости. А уж господ артисты...

В последнем, пятом акте пьесы все персонажи, как известно, травятся метиловым спиртом, по ошибке украденным главным героем Гуревичем. Действие начинается с того, что все пьяны, пляшут и поют (аккомпанемент был как раз нашим делом), а потом начинают последовательно умирать в страшных корчах. (Не переживайте, корчи были высокохудожественны и тщательно дозированы, без натурализма). Якобы умерший артист застывал в эффектной позе и в таком виде должен был проваляться до конца спектакля, а это еще добрых полчаса! Очень скоро ребята смекнули, что если, например, ты сдуру умер вниз головой, то тебе через пять минут хана, натурально можно дуба дать. Поэтому смерти стали все более и более комфортные, лежа на спине, желательно с подушкой под головой — благо, дело происходило в больничной палате и коек хватало на всех. Спустя месяц после премьеры, какие бы жуткие судороги ни охватывали отравленного артиста, заканчивались они всегда позицией «Ленин в мавзолее». Но тут подкралась другая беда.

Засыпали, гады! Четыре часа человек бегал, орал, давил то смех, то слезу, танцевал как угорелый — а теперь устроился со всеми удобствами и глаза закрыл. Через минуту готов, спит. А где спит, там и храпит. А храпящий труп спектакль не украшает.

Как я уже говорил, мы с Сережей Чекрыжовым и Вадиком Сорокиным, музыкантами «Несчастливого случая», на сцену не выходили. Сидели с аккордеоном, гитарой и перкуссией за черным задником, в котором были проверчены дырочки для подгляда. От нас до актеров, как живых, так и уже «того», было метров пять. Через несколько спектаклей, поняв, что тихонько свистеть храпящим или пытаться плевать в них жеванной бумагой бессмысленно, я принес из дому удилице.

Папа был рыбак. Имел удочку, японскую, раскладную, хлыст метров семь. Как раз хватало. Усевшись на рабочее место за черной занавесью, я просовывал под нее удилице и медленно раскладывал его на полу, продвигая тонкий конец хлыста все ближе к артистам.

Стоило кому-нибудь дать храпака, он тут же получал удилицем в бок. Или по пузу. Эффективней всего тыкать в ухо. Будит моментально, это вам любой мент подтвердит.

С «Черным человеком» Вити Коркия наш театр много гастролировал. Спектакль был на злобу дня, в стихах (!), очень легкий в перевозке. Вся «одежда» постановки заключалась в занавеске с нашитой красной звездой метров четырех в размахе, костюмах героев (всего-то восемь человек), горстке реквизита и сундуке, в который все это помещалось. Во время спектакля в нем пряталось одновременно два артиста, так что, представляете, насколько прочен и объемист был сундук. А реквизит? Ну, что там было: пара ручных фонарей, глобус да четыре бутылки из-под кефира, выкрашенные изнутри известью так, что казалось, будто кефир в них по-прежнему есть.

В 1988 году мы с «Человеком» отправились в Финляндию на фестиваль любительских театров в крошечный городок Миккели. В нем живет тысяч 20-30 человек, но у них свой фестиваль, ничего себе, а? Для нас это была первая зарубежная поездка. То есть, не просто Первая Зарубежная Гастроль, а вообще первое пересечение границы Советского Союза. Может быть, кто-то из моих друзей

по тому путешествию и бывал до того за бугром, в Болгарии, например, но я — нет. Трепетали все.

Опытные товарищи в Москве рассказали, что в Финку надо везти две вещи — водку и икру. Икру можно искусственную, финики не втыкаются. Водку с грехом пополам еще можно было купить, отстояв очередь часа на два-три, а вот икру пришлось брать у спекулянтов на Арбате. Несмотря на трудности, все актеры явились к поезду затаренными под завязку. У каждого было бутылок по пять-шесть водяры и по три-четыре баночки икры. При норме провоза 1 бутылка и 1 банка.

Очень быстро выяснилось, что насчет провоза всем контрабандистам пришла в голову одна и та же хитрость — засунуть излишки в сундук.

К сундуку выстроилась застенчивая очередь — каждый, пряча глаза, подходил к нему, приоткрывал крышку и долго, с пыhtением, возился внутри. И сей деревянный ковчег вместил все: штук 20 бутылок и столько же банок.

Тронулись.

Беззаботно болтая и веселясь, миновали Тверь, Ленинград, Выборг. Близилась граница.

Наши таможенники совершенно нами не заинтересовались, может быть потому, что их отвлек наш случайный попутчик, студент Университета Патриса Лумумбы, который вез на продажу несколько советских фотоаппаратов. Пару из них он успел сунуть нам, умоляюще шевеля сочными негритянскими губами, а потом его повязали и увели. Фотики, кстати, остались на руках у кого-то из моих друзей. Совершенно не помню, куда они потом делись.

А вот финская таможня была не такова. Сперва по вагонам прошли служивые в синих кителях и внимательно пересчитали водку, икру и даже сигареты.

Ну, тут мы были невинны как младенцы: по бутылочке, по баночке, что вы, что вы. А потом в нашем купе появился финский офицер, который строго поинтересовался, чей это сундук едет в товарном вагоне.

Струхнули-то все, а вот ответ держать послали двоих — Лешу Нестеренко и меня, мотивируя это тем, что мы, мол, лучше по-английски волочем. Как будто это могло помочь! В такой ситуации, может, лучше как раз вообще ничего не понимать и не говорить. Однако пришлось идти.

Сильно потев и подрагивая, мы вошли в товарняк. У стенки стоял наш родимый, запертый на амбарный замок. Открыли. Офицер на своем клекочущем английском спросил, что внутри? Мы на своем мычащем ответили, что реквизит. «И ничего такого?» — выразительно щелкнул себя по кадыку финн. «Ноу, насинг, мы не пьем!» — был ему ответ. «А если найду?» — помрачнел офицер и тряхнул сундук. Зазвенело. «Реквизит...» — эхом отозвались мы. Окаменев скулами, таможенник приоткрыл крышку и полез внутрь. Недолго пошарив в складках декорации и костюмов, он с торжествующим лицом потянул что-то из глубин. «Ага!» — сказал офицер по-фински. Или по-русски? Не помню. И предъявил нам бутылку.

Это была бутылка из-под кефира, выкрашенная известью. Мы спокойно поехали дальше.

После пересечения границы все прилипли к окнам. Еще бы! Загранка, да сразу капиталистическая страна! Но поначалу ничего ошеломительного мы не замечали — ну, снега и снега, у нас в Карелии такие же.

...меня довольно часто спрашивают журналисты, хорошо или плохо жилось в Советском Союзе. Жилось как жилось, отвечаю я, но вот вам одно воспоминание: у окон поезда собрались тогда пятнадцать-двадцать выпускников МГУ. С разных факультетов, неплохо начитанные и образованные люди, почти все из зажиточных семей. Когда мимо нас пронеслась какая-то станция, где на платформе толпились финские дети, очевидно, ожидавшие электрички, человек двадцать, целый школьный класс... Мы все ахнули. И замолчали от изумления. Они были одеты... по-разному! Очень ярко и... по-разному: в желтое, красное, зеленое.

Советские люди одевались в темное. Наша могучая и мрачная Родина из всей радуги оставила нам ту часть, где сидит Фазан, от синего через фиолетовый к черному. Обычная группа советских людей, детей в том числе, выглядела, как грозовая туча, иногда серо-стальная, иногда уже готовая пролиться, то есть совсем черная. (Изредка в туче посверкивали молнии, но чаще были пуговицы.) А здесь... Все остальные части спектра, оказывается, спрятали от нас в Финляндии.

Хорошо или плохо жилось в Союзе? Монохромно. А так — нормуль...

Едем дальше. Опытные товарищи оказались правы — водка в Миккели пошла на ура. По вечерам на центральной площади стояло слегка оттопырить полу куртки, во внутреннем кармане которой лежала заветная, как рядом возникал финн, уже покачивавшийся, но желавший увеличить амплитуду.

Некоторые наши клиенты требовали при них открыть бутылку и отпить. Да ради Бога! Некоторые предлагали распить вместе. А вот Сереже намекнули, что неплохо бы пойти в ближайший отель и там продолжить знакомство... Сереге было двадцать лет и выглядел он, как херувимчик. Но тут его алые щеки побледнели, усики встопорщились, и Сергей произнес фразу, ставшую нашим девизом на десятилетия: «Ноу, мистер. Онли бизнес!»

Короче. 0,7 «Столичной» уходили за 100 марок. А сто марок, товарищи, — это отличные джинсы плюс пуховая куртка. Обрато сундук ехал набитым еще плотнее.

Не только по загранике разъезжал «Бедный Сосо Джугашвили». (Это тот же «Черный человек», если вы забыли).

Необъятная Родина также жаждала увидеть своих кумиров, Сталина и Берию, еще недавно сакральных, а ныне выставленных на посмешище.

Жарким-прежарким летом наш театр явился на гастроли в Самару. Дня четыре мы там представляли. На второй день, отчаявшись найти в гостиничных номерах кондиционеры (вот сейчас мощно соврал — ни кондиционеров тогда не было, ни малейшей мысли о них), мы отправились на пляж и накупались в Волге. Не вылезали несколько часов, а водичка под Самарой своеобразная — верхние сантиметры 15 теплые, а глубже — вввв, ледяная. Мой друг и учитель Леша Багдасаров, игравший Сталина, кажется, простыл, но крепился.

Вечером сыграли спектакль и ушли в празднование: как раз Лешке исполнилось 30 лет. Или около того, но гуляли мы самозабвенно. Вновь оказались на берегу, засели в кафе под изящным названием «Отдых», купались до рассвета... Все, конечно, сильно поддали, не исключая юбиляра, который с каждой минутой терял голос все явственнее и безнадежнее. Часов в пять утра Леша поднял голову с пирога, на котором спал, похлопал глазами и очень сипло спросил: «Как кафе называется?» «Отдых!» — ответили ему. Последнее

слово, внятно произнесенное Лешкой в ближайшие сутки, было: «Правильно!» Голова его упала обратно, мы еще немного пошумели и отправились в отель, прихватив, разумеется, невразумительного юбиляра с пирогом.

А вечером-то спектакль. А голоса-то нет совсем. В остальном Леша был как обычно (разве что глаза красные, ну, так и Сталин был не красавец), а вот говорить — тю-тю. Тем не менее, категорически скрывая последствия гулянки от нашего Главного, Славутин Е. И., начинаем играть.

Первые минут сорок Сталин на сцене не появляется, лишь Берия вершит свои темные дела, да мы с Пельшем стоим навтыжку в серых плащах. (Наши роли так и назывались — Серые Плащи, без слов, почти без движений, этикие жуткие серые тени, которые и меняли декорации, и сундук таскали, и вообще отвечали за по-дай-принеси).

Но хочешь не хочешь, а момент Х настал. (Х знаменует отсутствие голоса у Багдасарова). Выходит на сцену Сталин, открывает рот — и первые несколько реплик произносит, ей-Богу, товарищи! Леша, настоящий профи, как-то собрался, сделал дыхательную гимнастику Стрельниковой, восстановил связки — но лишь на несколько минут. Увы, простуда побеждала.

Мы с Валдисом, стоя как истуканы, с ужасом слышали, как Сталин с каждым словом затихает, будто ему медленно и ласково забинтовывают лицо шарфом.

Мы переглянулись.

Надо признаться, артисты, репетирующие совместный спектакль, особенно в стихах, за десяток репетиций заучивают не только свой текст, но и партнерский. А мы с Валдисом в «Сосо» вообще слов не имели, зато уже сотни раз прослушали его от начала до конца. И выучили весь до малейших пауз и интонаций. Поняв, что Лешу надо спасать... Да что там Лешу, Сосо надо спасать! — мы принялись громко, не меняя выражения лиц, скандировать текст главной роли. Сталин открывал рот, но слова его долетали до зала как бы извне, со стереоэффектом (мы же вдвоем с Пельшем старались).

Такого режиссерского решения прежде не знала русская сцена. Самара была в восторге. Славутин все заметил, но сделал вид, что так и было задумано — еще бы, ведь нас так хвалили...

В общем, и «Шаги Командора», и «Черный человек» стали хитами. На спектакли было невозможно попасть. Английская актриса Ванесса Редгрейв, которая по каким-то делам оказалась в Москве, сидела у нас на «Черном человеке» на стульчике в проходе. Оба спектакля колесили по фестивалям и собирали награды.

Летом то ли 1988, то ли 1989 года нас занесло на гастроли в Киев. Играли в театре Оперетты, что стоял на Красноармейской улице... То есть, он-то и сейчас стоит, только улица уже Большая Васильковская. Буквально метрах в пятистах располагается огромный Олимпийский стадион. Мы играли шесть дней подряд по два (!) спектакля в день, и в зале не было свободного места. Пьеса «Черный человек» была невероятно революционной и смелой для той поры, и опьяненные дыханием свободы киевляне жаждали ее видеть. А на стадионе все шесть дней (!) шел нескончаемый митинг: Украина ратовала за немедленный выход из состава СССР, чего вскоре и добилась. С полудня и до полуночи, примерно раз в десять минут (очевидно, по окончании очередной пламенной речи) из чаши стадиона выплескивалось оглушительное: «ААААААААААА...» Орала так, что заглушали актеров, игравших спектакль за толстыми стенами театра Оперетты, то есть нас.

В день седьмой оглядели мы дела рук своих, пересчитали деньги, полученные за двенадцать аншлагов, и решили, что это хорошо. Организаторы гастролей, которые тоже нехило приподняли бабок, угадав со спектаклем, забабахали банкет. Мы решили порадовать оргов каким-нибудь капустником и этим решительно изменили свою жизнь...

Голубые рыцари

Как я уже говорил, при Студтеатре МГУ существовала Музыкальная студия. Некоторые ребята пришли именно в нее — например, Паша Мордюков, наш саксофонист, Ира Богушевская. Они отлично пели и сочиняли собственные песни.

Мы активно играли во внутриуниверситетский КВН и подружись со многими соперниками по игре. Из команды Физического